

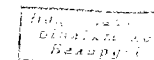
711/2015 481039/
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ТЕКСТЕ И ЯЗЫКЕ**

Материалы докладов
IV Международной научной конференции
3–5 декабря 2009 г., Минск

В двух частях
Часть вторая

Минск, 2009

Рекомендованы Редакционным советом МГЛУ

Редакционная коллегия: Н.П. Баранова (*ответственный редактор*), А.М. Горлатов (*ответственный редактор*), С.М. Прохорова (*ответственный редактор*), Л.Б. Армоник, Н.Ю. Павловская, О.В. Писецкая, О.А. Полетаева

НЗ5 **Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы** докл. IV Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. редакторы Н.П. Баранова, А.М. Горлатов, С.М. Прохорова. – Минск : МГЛУ, 2009. – 268 с.
ISBN 978-985-460-343-8 (Ч.2)
ISBN 978-985-460-341-4.

Сборник содержит тезисы докладов IV Международной научной конференции «Национально-культурный компонент в тексте и языке». Во второй части представлены тезисы секционных заседаний: «Языковая и концептуальная картина мира. Наивная картина мира, отраженная во фразеологии и паремиологии», «Концепт – основная единица гуманитарной науки. Базовые (концептуальные) метафоры», «Национально-культурный компонент в кодифицированном языке и языке “возможных миров”. Диалекты как основа национального “духа” языка», «Личное имя как особый языковой знак и как свернутый национально-культурный текст», «Национально-ограниченный текст», «Отражение национально-культурного компонента в разных типах текста».

Для научных работников, аспирантов, студентов.

УДК 81'27
ББК 81 000

ISBN 978-985-460-343-8 (Ч.2)
ISBN 978-985-460-341-4

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2009

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

А.С. Алёшин (Санкт-Петербург, Россия)

ЭТАЛОНЫ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, В ЗЕРКАЛЕ ШВЕДСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ФОНЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Устойчивые сравнения присутствуют в любом языке, а их национальная специфика проявляется в различии избранных в той или иной культуре эталонов сравнения и стереотипных представлений.

Вслед за В.Н. Телия, под эталоном понимается «характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующей в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [1, с. 241–242].

Включение эталонов УС двух языков и представление их тематической классификации позволяет, во-первых, определить те сферы, которые могут служить объектами УС, а во-вторых, выявить ограничения на употребление той или иной предметной или другой области в качестве эталонов сравнений.

Эталон УС, описывающих, например, глаза человека, в шведском языке относится к тем же тематическим областям, что и в русском: это наименования животных, природных реалий, явлений природы, артефактов, драгоценностей, бытовых реалий. Различия заключаются, во-первых, в большей или меньшей представленности эталонов сравнений в каждой тематической области. Так, эталоны-наименования фитонимов шире представлены в шведском языке (*pepparkorn* зерна перца, *ärter* горошины, *vattenmelonkärnor* косточки арбуза, *äppelkärnor* косточки яблок, *apelsiner* апельсины), наименования драгоценностей (*guld*, *ädelstenar*, *ädelmetaller*, *ädelstenar*, *ädelstenar*) – в русском. Во-вторых, некоторые эталоны, служащие основанием сравнения по одному и тому же признаку могут различаться: например, в шведском языке эталоном голубого цвета глаз служит *blåa*, в русском – *васильки*, глубина глаз в шведском языковом сознании ассоциируется с *kolodj*, в русском – с *озером*.

Для лингвокультурологического анализа важно определение совпадающих структурно и семантически и различающихся УС двух языков. Так, совпадающими в шведском и русском языках являются такие УС, как *ngn är röd som en (kokt) kräfta* – красный как (вареный) рак, *ngn är lång som en stör* – кто-л. длинный как жердь и др.

тайна и секреты; при этом сформулированные их родо-видовые различия реализуются не во всех контекстах, в большинстве случаев происходит нейтрализация значений.

Современная русская лексикография трактует эти лексемы как синонимы, однако они имеют определенный лексический фон, обусловленный практикой употребления, закрепленный контекстами, что определенным образом влияет на восприятие документа.

Исследование документного текста с учетом национально-культурной специфики позволит выявить особенности использования лексических единиц в документах разных типов, скорректировать требования к терминам, используемым в деловом тексте, выработать принципы их унификации, определить нормы терминопотребления.

Важным такой подход является и для лексикографии. В настоящее время необходимо создание специальных словарей, словарей тезаурусного типа, отражающих комплекс системных отношений лексико-фразеологического состава документных текстов. Это отвечает потребностям современного общества и может быть использовано в работе специалистов разного профиля.

И.П. Кудреватых (Минск, Беларусь)

ЭКСПРЕССИВНЫЙ СИНТАКСИС ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Функциональная стилистика как стилистика речи, связанная с проблемами употребления языка, — перспективное направление современного языкознания. Сложность и недостаточная изученность экспрессивных синтаксических конструкций в художественном тексте как показателя идиостиля писателя обуславливают необходимость дальнейших исследований этих явлений. Художественный дискурс — это особая грамматика, особые правила словоупотребления, в результате — особая семантика; это один из возможных миров, представленный как особая социальная данность. Вопросы динамики языка, функционирования его в синхронии с учетом воздействующих на эти процессы экстралингвистических факторов, особенно во времена острых социокультурных преобразований, становятся особенно актуальными. Языковая экспрессия в художественном тексте — важное средство выявления эстетической системы писателя, его мировоззрения.

Будучи адресованным широкому читателю, художественный текст является полиструктурной, полисемантической и полифункциональной системой. Экспрессивный синтаксис, участвующий в создании «глубинного» смысла, — явление не только и не столько собственное языковое, сколько экстралингвистическое. Поэтому идейно-художественное текстообразование

требует идейно ориентированной интерпретации. Экспрессивность как понятийная текстовая категория является обязательным моментом интерпретации художественного произведения.

С этой точки зрения, большой интерес представляют произведения В. Токаревой и Т. Толстой, репрезентирующие разные типы прозы: у Т. Толстой — тип интеллектуальной прозы, у В. Токаревой — быто-описательный тип [3]. Стилистические функции парцеллятов в произведениях В. Токаревой, анормативная синтаксическая сочетаемость, придавая повествованию различную модальную окрашенность, актуализирует определенные эстетические значимости. Парцелляция В. Токаревой — это метатропы глубинного уровня смыслопорождения, «функционально-семантические зависимости, структурирующие авторскую модель мира» [2, с. 19], кроме того, это своеобразная игра со смыслами.

Грамматическая экспрессия Т. Толстой определяется совокупностью стилистических приемов: это однородный ряд дизъюнктивных понятий, контекстуально-неполные и эллиптические предложения как отражение разговорности, синтаксически параллелизм, контаминация значений, вставные конструкции, отсутствие абзацного членения в пределах большого отрезка текста как прерывание динамики речи; кроме того, это структурно-текстовые функции одновременных форм, устанавливающих глубинные связи между событиями, их повествовательно-описательная перспектива, т.е. способность участвовать в передаче точки зрения. Контаминация перфекта и презенса, выражающая противоборство прошлого и настоящего, становится экспрессивным элементом текста — той реляционной структурой, которая определяет различного рода синтаксические отношения: эмоционального контраста, тождества, сравнения и др. Наконец, временная оппозиция — это и концептуальный метатроп, отражающий позицию автора по отношению к происходящему как резко отрицательную. Настоящее постоянное Т. Толстой становится выражением содержательно-концептуальной информации (СКИ), приобретает психологическую значимость и глубокий подтекст: пока человек не научится мыслить, пока его будут прельщать даровыми благами: *за утюгом, за миксером, за кофемолкой спускаются семьи с гор, из заснеженных аулов... штурмуют поезда... В Москву!.. к колесу! Там их оплюют, обхватают, зато им достанется целый телевизор!* («Человек!.. Выведи меня отсюда»), он есть *нравственный слепец, теряющий остатки достоинства при встрече с даровым электроприбором... он раб колеса.*

СКИ как сжатый смысл текста — это вся система его композиционно-грамматических и лексико-стилистических особенностей, это мотивированная взаимозависимость системно-структурного и функционального подходов к его смысловой организации. Интегрирующая роль грамматических единиц, способных выполнять определенное назначение, находит отражение в семантике разноуровневых элементов. Функциональные значения грамматических форм развивают образный потенциал, активизируя ассоциации читателя. Прием экспрессивных контрастов, способствующий

созданию символической взаимообусловленности смысловых сфер, в произведениях Т. Толстой становится средством текстообразования.

СКИ репрезентируется и на уровне метафоризации. Экспрессивная метафоричность, построенная на контрасте временной семантики, в произведениях В. Токаревой создается за счет метафоризации глагола, что способствует семантическому сдвигу. Попадая в условия анормативной, с точки зрения системы языка, семантической сочетаемости, глагол трансформирует значение и приобретает новую образно-выразительную силу.

Таким образом, стилистический код СКИ В. Токаревой и Т. Толстой представляет своеобразную конвергенцию грамматических приемов, позволяющих интерпретировать текст в соответствии с ассоциативными возможностями читателя. В этой связи вспоминается термин Е.Г. Эткинда «искусство быть читателем», декодирование которого находим у А.А. Богатырева: «...для филологической интерпретации текстов... представляется оптимальным не стремиться любой ценой к подведению всего текстового массива под отдельный концепт..., а трактовать схемы идеализации интенциональной установки текста средствами самого текста, не перекрывая пути к самостоятельному открытию читателем в себе косвенно транслируемых текстом субъективно-ценностных реальностей» [1, с. 162].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырев, А.А. Концептуализация и идеализация как техники интерпретации художественного текста / А.А. Богатырев // Стил. Бањалука-Београд, 2002. – №1. – С. 153–164.
2. Фатеева, Н.А. Современная русская «женская» проза / Н.А. Фатеева // Стил. Бањалука-Београд, 2003. – №2. – С. 349–361.
3. Фатеева, Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке / Н.А. Фатеева. – М., 2003.

О.И. Кулько (Волгоград, Россия)

УМОЛЧАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Развитие лингвопрагматики позволило вовлечь в орбиту языкознания такое явление, которое традиционно науке, изучающей слово, «противопоказано» – это значимое отсутствие слова в коммуникации. Как речевой акт, несущий информацию, усваиваемую и интерпретируемую адресатом на основании социокультурных знаний, исследователи рассматривают молчание. Н.Д. Арутюнова замечает, что «в отличие от говорения, ассоциируемого с целями, о молчании не судят в терминах **целей**. Молчание, как и любое другое недействие, имеет **причину**» [1, с. 106]. На наш взгляд, рассмотрение молчания «в терминах **целей**» должно привести

исследователя к другой, родственной категории – умолчанию, отказу от обсуждения темы в целях защиты информации.

Традиционное для теории информационной безопасности понятие «защита информации» рассматривается нами в коммуникативно-прагматическом аспекте: в разных дискурсах коммуниканты сталкиваются с необходимостью не столько передать информацию, сколько защитить ее от угрозы несанкционированного распространения – расширения круга пользователей.

Защита информации требуется в определенных ситуациях, различающихся и по количеству участников, и по их роли в коммуникации. Так, в ряде случаев включение в процесс общения третьего субъекта приведет к тому, что двое остальных, обладая общими пресуппозициями, будут стремиться последовательно контролировать количественные (объем) и качественные (истинность/ложность) характеристики сообщаемого, чтобы третий участник (или молчаливый наблюдатель), имея доступ к тексту, не смог получить или использовать информацию. В других ситуациях коммуниканты только подозревают о возможном существовании третьего субъекта – подслушивающего или подглядывающего. Следовательно, при угрозе распространения информации коммуникативная модель выглядит следующим образом. Владелец информации (коммуникант, обладающий правами на обработку информации и ее защиту), реализуя лингвистическую защиту информации (ЗИ), формирует сообщение для пользователя (коммуниканта, имеющего право доступа к информации) с учетом реального или потенциального присутствия третьего субъекта коммуникации, не наделенного правами доступа к информации.

В зависимости от ситуативных условий владелец информации может рассматривать всех остальных участников коммуникативного акта как лиц, не наделенных правами доступа. Тогда важнейшим способом защиты информации становится умолчание – отказ от обсуждения темы в коммуникации.

В любом обществе, социальной группе, у любого отдельного человека есть ряд табуируемых по разным причинам тем. Наложение запрета на распространение информации может идти по линии интенциональности («хочу – не хочу») или конвенциональности («принято – не принято»). В качестве интенционального запрета приведем пример из беседы Иосифа Бродского и Соломона Волкова. *Бродский: «... Если уж мы говорим о том, о чем говорить не следует, то есть об эротических предпочтениях индивидуума, да? Хотя это, в конце концов, частное дело каждого человека. И я не понимаю, почему это надо превращать в тему для обсуждения...»* [2, с. 581]. Последнее высказывание – сигнал о том, что коммуникант – владелец информации – отказывается ее обсуждать, поднятая тема должна умалчиваться.

Заметим, что конвенциональные запреты, в отличие от интенциональных, далеко не всегда осознаются коммуникантами, хотя в некоторых социальных группах эти запреты могут быть выявлены самими членами группы, для того чтобы впоследствии стать основой

Кривонос Е.А. (Минск, Беларусь). Отражение национально-культурного компонента в текстах различных стилей	193
Ладутько М.В. (Могилев, Беларусь). Отражение культурного концепта «Чужой» в художественном дискурсе З. Гиппиус	195
Любецкая К.П. (Минск, Беларусь). Распрацоўка беларускай тэрміналогіі ў перакладных слоўніках	197
Подлубинова Ю.С. (Екатеринбург, Россия). Поэтические письма народов товарищу Сталину: от национального к советскому	200
Потсар А.Н. (Санкт-Петербург, Россия). Концепт «свое–чужое» в современном паралитературном тексте	202
Прохорова С.М., Чернышова Л.В. (Минск, Беларусь). <i>Свой–чужой</i> в национально ориентированном тексте Дениса Летуновского	204
Цыренова А.Б. (Томск, Россия). К вопросу о соотношении языка и культуры	208

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В РАЗНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА

Арустамян Я.Ю. (Ташкент, Узбекистан). Национально-культурный компонент в текстах оригинала и перевода	210
Герасимович О.С. (Минск, Беларусь). Поэзия Роберта Фроста в американской и русской культуре – проблемы перевода	212
Головня А.В. (Киев, Украина). Художественный текст как лингвокультурное образование	214
Гурина Н.М. (Брест, Беларусь). Метаязыковая рефлексия в современной публицистике	216
Зеленуго Д.В. (Минск, Беларусь). Концептуализация времени в текстах В. Распутина	218
Кастлер Л. (Гренобль, Франция). Ирония как коммуникативная стратегия	220
Комлева Е.В. (Дортмунд, Германия). Антропоцентричность ядерной энергии	222
Косова М.В. (Волгоград, Россия). Национально-культурный компонент документного текста	224
Кудреватых И.П. (Минск, Беларусь). Экспрессивный синтаксис художественной прозы	226
Кулько О.И. (Волгоград, Россия). Умолчание в коммуникации: национально-культурная специфика	228
Кушнерук С.П. (Волгоград, Россия). Документный конфликт: лингвистическое содержание	230
Лесников Г.С. (Архангельск, Россия), Лесникова Д.С. (Санкт-Петербург, Россия), Лесников С.В. (Сыктывкар, Россия). Фундаментальные дефиниции и математические формулы рекурсивной процедуры квантитативного анализа текстов	233

Лясковіч С.М. (Полацк, Беларусь). Параўнанні з нацыянальна-культурным кампанентам у творах У. Караткевіча	235
Масютин Г.С. (Минск, Беларусь). Национально-культурный компонент испанской туристической лексики	238
Месячик А.А. (Минск, Беларусь). Паратракативныя злучэнні ў публічным тэксце	240
Мусиенко В.П. (Черкассы, Украина). Способы истолкования темных мест Священного Писания в переводческих комментариях С. Аверинцева	242
Питиримова Ж.С. (Минск, Беларусь). Актуальная информация о коммуникативной завершенности реплики художественного диалога	245
Подберезская Ю.А. (Минск, Беларусь). Коронимы-композицыі ў мове мастацкай прозы О. Іпатовай і І. Шамякіна	247
Рымкевич О.Е. (Минск, Беларусь). Мета-ацэнкавая лексіка як сродак адлюстравання нацыянальна-культурнага кампанента ў дыскурсе нямецкай прэсы	250
Саенкова Л.П. (Минск, Беларусь). Принцип диалогичности как особенность журналистского текста	252
Самойлова И.Ю., Ялужко О.А. (Гродно, Беларусь). Гродненский некрополь с точки зрения лингвистики	255
Фокина Т.И. (Киев, Украина). Русские логоэпистемы в заголовках украинских газет	257
Прохорова С.М. (Минск, Беларусь). Концептуальная поэзия как особый тип текста	259